

Е. Г. Власова, А. П. Ведерников

**ТРАВЕЛОГИ В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТКРЫТИЯ УРАЛА:
К ВОПРОСУ О РОЛИ ЖАНРА В СТРУКТУРЕ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-143-149

УДК 82-992(470.5)

ББК 83.3(2=411.2)53

В статье рассматривается вопрос о роли отдельных жанров в истории формирования локального текста. Эта роль складывается исторически — в зависимости от обстоятельств литературного освоения пространства, а также от его географической и культурной специфики. В истории уральского локального текста важную роль сыграли путевые описания XIX — начала XX в., т. е. периода активного культурного освоения Урала. В силу сложившихся геополитических обстоятельств травелоги становятся первым опытом литературного описания Урала, что позволяет поставить вопрос о возможном влиянии жанровых особенностей данного вида текста на формирование образа уральского пространства. Благодаря особому связующему характеру повествования, построенного на описании движения, травелоги отражают пространство в виде динамических нарративов, в основу которых ложится маршрут путешествия. В результате наложения текстов путешествий, связанных с локализацией основных транспортных магистралей, формируется устойчивая карта маршрутов-нарративов, включающих повторяющиеся значения, образы и сюжеты. Веерообразное расположение этих маршрутов наглядно проявляет достаточно репрезентативный охват региона в травелогах указанного периода: Урал предстает в них не набором транзитных точек, а целостным и самодостаточным пространством. С другой стороны, образно-семантическая характеристика проявленных маршрутов помогает обнаружить их тесную связь с актуальной для современного уральского ландшафта матрицей смыслов. Все это позволяет говорить о важных формирующих функциях травелога в процессе становления уральского локального текста, о его возможности выступать в роли «текста самоописания».

Ключевые слова: *локальный текст, жанр, травелог, маршрут путешествия, карта уральских путешествий XIX — начала XX в.*

Одной из базовых черт локального текста является кросс-жанровый характер его структуры. При разработке понятия городского текста культуры В. Н. Топоров специально подчеркивал тот факт, что разнообразие жанрового состава служит прямым доказательством сверткостного единства: «Кросс-жанровость, кросс-темпоральность, даже кросс-персональность (в отношении авторства) не только не мешают признать некий текст единым... но, напротив, помогают этому снятием ограничений... на различие в жанрах, во времени создания текста, в авторах (в этих “разреженных” условиях единство обеспечивается более фундаментальными с точки зрения структуры текста категориями)».¹ В то же время, размыш-

ля о структурно-содержательной специфике петербургского текста, исследователь отмечает его тяготение к трагедийности, выявляя тем самым устойчивые жанрово-стилистические предпочтения данного литературного феномена.

Развитие теории локального текста, сопоставительный и типологический анализ этого явления культуры, предпринятый на материале разных по масштабу локальных образований — от города до целых регионов, — позволили продвинуться в изучении его жанрово-стилистической специфики. Нельзя сказать, что жанровый состав локального текста стал предметом специального рассмотрения. Чаще всего анализ этого литературного явления строится на характеристике содержательных (семантических, образных, сюжетных и мифопоэтических) констант.

Однако по мере накопления сопоставительных данных обнаруживаются повторяющиеся историко-литературные ситуации, при которых жанровый аспект анализа становится необходимым. Прежде всего его актуализация связана с изучением ключевых произведений локального текста — первотекстов и произведений переломных периодов. Такого рода наблюдения представлены, например, в исследованиях

¹ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб., 2003. С. 26.

Власова Елена Георгиевна — к.филол.н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь)
E-mail: elena_vlasova@list.ru

Ведерников Александр Павлович — старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь)
E-mail: alex.ved@mail.ru

северного текста русской культуры. Так, Е. Ш. Галимова отмечает особую роль былин в формировании образа Русского Севера.²

Интересные наблюдения по поводу жанровых особенностей локального текста делает Т. Венцлова. Предпринятый им сопоставительный анализ вильнюсского и таллиннского городских текстов позволяет оттенить значимость отдельных произведений в процессе формирования локальной традиции.³ В частности, концентрированное воплощение основных характеристик таллиннского текста исследователь видит в сборнике рассказов «Смерть в Ревеле» немецкого писателя В. Бергенгрюна: «...это коллекция гротескных, пугающих и одновременно смешных “случаев”, анекдотических происшествий, окрашенных в таинственные и театральные тона».⁴ В отличие от Таллинна, Вильнюс тяготеет к ностальгической стилистике «поэтического бедкера», восходящей к местной мифологии, с одной стороны, и к поэзии Ренессанса и барокко, ставшей первым профессиональным опытом литературного описания города, — с другой.

Большое влияние на жанровые предпочтения локального текста оказывает историко-культурный контекст конкретного этапа развития региональной литературы. Данная проблема обсуждается в работах К. В. Анисимова, посвященных сибирскому тексту русской культуры. В качестве одной из самых устойчивых характеристик жанрового развития сибирской литературы XIX в. исследователь называет тесное переплетение художественного и документального нарративов, которое проявилось в активности таких жанров, как травелог, этнографический очерк, фельетон, литературно-критическая статья,⁵ и было сопряжено с газетно-журнальным характером основных литературных площадок.

Еще один важный аспект заявленной темы связан с характеристикой взаимодействия природно-климатических и географических особенностей ландшафта и манеры их описа-

ния. Интересное замечание по этому поводу делают авторы монографии о тверском травелогге М. Строганов и Е. Милюгина: «Внешне может показаться, что все различие между тверским и курским или вологодским травелоггами сводится к их тематике. Однако это не так. Необходимость описать тот или иной объект влечет за собой и поиск соответствующих принципов построения текста. Описание курских степей провоцирует иную интонацию и иную композицию, чем описание тверских болот».⁶

В целом, можно говорить о разных аспектах жанрового анализа локального текста: это и обстоятельства литературной жизни (ключевой текст, личность писателя, литературная среда, внешние связи и т. д.), и историко-культурный контекст, и географические и климатические характеристики ландшафта. Очевидно, что актуализация каждого из них связана с особенностями конкретного локального текста или отдельного типа локальных текстов. Однако все вместе они позволяют поставить вопрос о роли отдельных жанров в истории литературного описания пространства. Эта роль складывается исторически — в зависимости от политических, культурных и географических обстоятельств формирования территориальной общности.

Историография Урала как колонизованного пространства в основе своей опирается на отчеты о путешествиях — торговых, дипломатических, деловых, научных и, конечно, литературных, период интенсивного развития которых пришелся на XIX — начало XX в. Собственно, писательский травелог этого периода (Ф. Ф. Вигель (1805, 1806),⁷ А. И. Герцен (1835), П. И. Мельников-Печерский (1838–1839), П. И. Небольсин (1846), П. А. Кропоткин (1862), В. И. Немирович-Данченко (1875), И. С. Левитов (1882), К. М. Станюкович (1885), С. А. Кельцев (1887), Е. Ф. Шмурло (1889), Н. Д. Телешов (1894), А. П. Чехов (1890, 1901, 1902), В. А. Поссе (1907) и др.) становится первой литературной презентацией Урала, его литературным открытием. Особое место травелогов в литературной истории Урала позволяет поставить вопрос о том, повлияла ли жанровая специфика этих «начальных» произведений региональной литературы на образ уральского пространства, сложившийся в локальной литературной традиции.

² См.: Галимова Е. Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 186–193.

³ См.: Венцлова Т. К сопоставлению вильнюсского и таллиннского текста // Семиотика города: материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинн. ун-те. Таллинн, 2014. С. 29–55.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ См.: Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореф. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. С. 19, 20, 39.

⁶ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013. С. 14.

⁷ В скобках указано время путешествия по Уралу.

Как отмечают М. В. Строганов и Е. Г. Милюгина, одной из важнейших социокультурных особенностей травелога является его способность «фиксировать системно-синтаксические связи пространства».⁸ Благодаря этой способности травелоги отражают пространство в виде динамических нарративов, в основу которых ложится маршрут поездки. В результате наложения текстов путешествий, связанных с локализацией основных транспортных магистралей, формируется устойчивая карта маршрутов-нарративов, которые включают повторяющиеся значения, образы и сюжеты. Сопоставление этих нарративов позволяет обнаружить важные структурно-содержательные особенности образа уральского пространства, сложившегося в первоначальный период его литературного освоения.

Прежде всего нужно отметить, что ключевые тексты путешествий (те, что многократно потом цитировались) были посвящены прикамско-екатеринбургскому Уралу. Южный Урал — Челябинский и Оренбургский, — несмотря на большое геополитическое и экономическое значение, не получил столь представительных литературных описаний, хотя и сформировал собственную травеложную традицию. Транспортные особенности перевала через Уральские горы, главная локализация которого была связана с Сибирским трактом, сделали прикамско-екатеринбургские травелоги XIX в. визитной карточкой Урала.

Путевая очеркистика XIX в. сформировала сетку устойчивых маршрутов, которые положили начало внутренним локальным текстам. Самым значимым среди них, конечно, становится Сибирский (Московский) тракт, служивший основной транспортной артерией Урала (см. цв. вклейку). Сибирский тракт «сшил» самые напряженные сюжеты уральского ландшафта,⁹ связанные с колонизацией края и сибирской каторгой. Этот маршрут оказал определяющее влияние на формирование образа Урала как преддверия Сибири, восточного рубежа, где заканчивается европейский центр и начинается азиатский Восток. описа-

ния путешествий по Сибирскому тракту рисуют Урал как место, в котором складываются особые правила жизни, предписывающие мирное сосуществование русских, татар, башкир и других уральских народов. В пространстве этого вектора уральских путешествий обычный для восточных травелогов колониальный дискурс заметно приглушен. Описание татарских и башкирских селений чаще всего носит нейтральный констатирующий характер, в отличие, например, от резко негативных описаний прикамских коми-пермяков.

В основании местной мифологии лежат предания о древней Чуди, ушедшей под землю и до сих пор обитающей в глубине Уральских гор. По неисповедимым законам местной памяти Чудь эту, или «немоту», воевал сам Ермак.¹⁰ Нужно отметить, что предания о Чуди не лишены симпатии к героизму и стойкости покоренного народа. В этой связи кажется важным один сюжет, связанный с воскрешением Ермака. Согласно местной легенде, в одном из татарских налетов Ермаку отрубили голову. Воскресил его «волшебник» из пермяков, который вбил Ермака в камень. Через три дня пермяк камень расколол, и «вышел оттуда Тимофеевич живым».¹¹ Здесь важно и то, что Ермак в прямом смысле входит в землю, и то, что он становится преемником автохтонов, повторяя волшебное исчезновение Чуди в горе. Так переплетаются в мифологии Сибирского тракта герои и сюжеты разных периодов исторического освоения Урала, формируя неповторимый культурный слой местного ландшафта.

Путешествие по Сибирскому тракту было связано с перевалом через Уральский хребет. Многим путешественникам тракт представлялся настоящей горной дорогой, открывающей великолепные пейзажи, не хуже швейцарских. Плодородные долины, быстрые прозрачные реки, живописные вершины, покрытые лесами, — вот главные достопримечательности дороги.

Ключевой вехой маршрута, венчающей окрестный пейзаж, становится пограничный столб Европа–Азия, установленный на перевале Уральского хребта. Описание этого места соединило главные значения «сибирского» маршрута уральского травелога — значения цивилизационного разлома между Европой и Азией, а также пути на каторгу: «На этот раз направо в Европе заходило солнце, а налево

⁸ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Указ. соч. С. 13.

⁹ См.: Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Издание «Русского архива» с подлинной рукописи. М., 1892; Мельников П. Поездка в Кунгур // Москвитянин. 1841. Ч. 3, № 5. С. 261–275; Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850; Кропоткин П. А. На пути в восточную Сибирь // Дневник П. А. Кропоткина. М.; Пг., 1923. (Документы по истории литературы и общественности; вып. 4); Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: Очерки и впечатления. СПб., 1890 и др.

¹⁰ См.: Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. С. 502.

¹¹ Там же. С. 561, 562.

в Азии сгущался вечерний сумрак. Кругом уныние и пустыня. Меланхолически свистит ветер, пробегая по голым полям и заваленным камнями спускам... Лес нахмурился и молчит.

Страшное место! Сколько слез пролито здесь! Несчастные в кандалах в последний раз оглядывались отсюда назад, на свою на веки вечные покидаемую родину. Далекий, неприятный чужой холодный край начинается отсюда. Новая жизнь, новые люди, новые страдания!»¹²

Вид арестантского обоза был неотъемлемой частью окрестного пейзажа. Но относиться к этому явлению уральцы научились по-своему. В домах, стоявших неподалеку от тракта, принято было оставлять горшки с едой, для того чтобы беглые арестанты смогли поесть и уйти незамеченными. Среди пермских крестьян сложилась традиция подносить арестантам, идущим по тракту, милостыню, при этом благодарить за то, что ее приняли. В. И. Немирович-Данченко, ставший свидетелем такой сцены, был до глубины души поражен удивительной мудростью народа, сумевшего понять «очистительное значение несчастья».¹³

Еще один транзитный маршрут уральских путешествий сформировался в связи с регулярным пароходным сообщением по Каме, которое установилось в 1850-е гг. Камский травелог¹⁴ зафиксировал в уральском ландшафте значения и образы, восходящие к языческой (чудские капища) истории Урала и отражающие красоту и мощь суровой северной природы. Пароходный маршрут был главным транспортным сообщением с Уралом во второй половине XIX в., вплоть до постройки Пермь-Котласской железной дороги (1899), соединившей европейскую часть России с Уралом и Сибирью.

Знакомство с Уралом во время пароходного путешествия начиналось с Камы. Большинство людей остро ощущали особый характер этой широкой и холодной реки. Северная, лесная, суровая — так чаще всего именовали

ее те, кто поднимался по ней с Волги: «Первое впечатление, которое делает Кама, когда въезжаешь в нее из Волги, — это ее ширь и многоводие, низкий нагорный берег выделяет еще более ее ширину, а быстрое течение, почти полное отсутствие мелей делает реку особенно плавною. Горизонт здесь шире, тем более что и сама река нередко разливается направо и налево. <...> За Елабугой он одевается в свою суровую одежду — темно-зеленый лес. И сколько тут чудного и мощного!»¹⁵

Неспешное речное путешествие дает возможность разглядеть поэзию сурового камского пейзажа и послушать долгие пароходные рассказы — предания и легенды древней уральской реки. В пароходных травелогах история Урала предстает как история формирования особой цивилизации, соединившей в себе горный и речной уклады жизни. Чудские городища, Ермаковы пещеры, рыболовные становья по берегам, нескончаемые вереницы плотов, а также крупные пристани горных заводов — вот фокусные точки камского маршрута. Камское путешествие соединяет Урал с Центральной Россией и Поволжьем, подчеркивая их глубинную культурно-историческую связь.

Большую роль в формировании путевого образа уральского пространства сыграли железнодорожные путешествия. Уральская железная дорога, открытая в 1878 г., значительно увеличила пассажирский и туристический трафик на Урал. Железнодорожное путешествие снова акцентировало горную семантику Урала. Доминирующими локусами становятся скалы, подходящие к полотну железной дороги, обрывы, по узкому пространству которых прокладывался путь, тоннели. С. А. Кельцев замечает: «Отойдя от станции Чусовой версты две, поезд круто повертывает влево от скалистых уже здесь берегов Чусовой и входит в глубокий горный овраг; справа и слева от рельс возвышаются холмистые горные стены, и поезд идет как бы в коридоре».¹⁶ Снова активной становится тема уральских горных заводов, особенно в связи с описанием восточного, екатеринбургского, склона. Заводской пейзаж начинает доминировать в пространстве. Так, С. Геммельман пишет: «Громадные трубы с клубами черного дыма, высокие домны, выбрасывающие снопы пламени, — все это

¹² Там же. С. 560.

¹³ Там же. С. 541.

¹⁴ См.: Там же; Левитов И. С. От Москвы до Томска // Русская мысль. 1883. № 7. С. 1–30; Шмурло Е. Ф. Волгой и Камой (Путевые впечатления) // Русское богатство. 1889. № 10. С. 87–118; Кельцев С. А. От Москвы до Екатеринбурга (Из путевых заметок) // Кельцев С. А. Из поездки на Урал. М., 1888.; Рейхельт Н. Н. По северу и югу // Ист. вестн. 1909. Т. 115, № 2. С. 725–733; Фирсов А. И. По Каме // Там же. 1910. Т. 122, № 11. С. 709–732; № 12. С. 1107–1131; Макк А. А. (Городков А. А.) Кама: (От Чердыни до Перми). Путевые впечатления // Светоч и дневник писателя. 1913. № 3. С. 55–77; № 5/6. С. 3–25; № 7/9. С. 38–55; Он же. По Каме // Там же. 1913. № 11. С. 5–19; № 12. С. 18–34; Поссе В. А. В даль и глубь России // По Европе и России. Наблюдения и настроения. СПб., 1909. С. 370–409.

¹⁵ Шмурло Е. Ф. Указ. соч. С. 106.

¹⁶ Кельцев С. А. Указ. соч. С. 48.

господствует над окружающей местностью».¹⁷ Железнодорожный травелог нашел органичную манеру описания уральского пространства, соединив образы динамичного горного рельефа и заводского уклада жизни.

Среди внутренних маршрутов уральского травелога наиболее влиятельным является путешествие к Прикамскому Северу — через Усолье и Соликамск в Чердынь и Ныроб, иногда с продолжением поездки на Вишеру.¹⁸ Основные значения этого маршрута сконцентрировались вокруг соледобычи, работы железодобывательных заводов и коми-пермяцкой истории Урала. Безусловно, ключевыми в данном локальном тексте можно считать подробные путевые очерки П. И. Мельникова-Печерского, который в течение 1838–1839 гг., будучи учителем Пермской мужской гимназии, объехал большую часть Пермской губернии. Очерки были опубликованы в журналах «Отечественные записки» и «Москвитянин», став первым литературным описанием Прикамского Севера.

Несмотря на подробность рассказа о работе соляных и железодобывательных заводов северного Прикамья, историко-литературное значение очерков П. И. Мельникова связано прежде всего с исторической образностью уральского пространства. По Мельникову, главное достоинство Урала — его древность и верность старинному укладу жизни. Воображение путешественника оказывается под огромным влиянием рассказов о древней Биармии — просвещенном государстве, которое, по легендам, существовало на территории Северного Урала и вело активную торговлю со своими соседями — булгарами, скандинавами и новгородцами.

Главным свидетельством подлинности этих легенд П. И. Мельников считает многочисленные чудские городища, подробное перечисление которых заканчивает одну из частей «Дорожных записок на пути из Тамбовской губернии в Сибирь». Тем самым автор очерков примыкает к исследователям, которые говорили о единстве Биармии и уральской Чуди, чьими потомками являются проживающие на территории современного Урала финно-угорские народы — коми-пермяки, зыряне, вогулы и остяки.

¹⁷ Г-н С. По Богословской дороге. От Кушвы до Верхотурья и Богословска // Перм. губерн. ведомости. 1906. 20 июля. С. 3.

¹⁸ См.: Берх В. П. Путешествие в города Чердынь и Соликамск: для изыскания исторических древностей. СПб., 1821; Мельников П. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отеч. зап. 1839–1842; Немирович-Данченко В. И. Указ. соч.; Сибиряк Д. Старая Пермь // Вестн. Европы. 1889. Кн. 7. С. 44–104 и др.

Тема богатства и древности уральской истории была подхвачена и развернута Д. Н. Маминым-Сибиряком в очерке «Старая Пермь», который был посвящен путешествию писателя из Екатеринбурга в Чердынь и Ныроб. Этот очерк перекликается с «Записками» П. И. Мельникова и в отношении к современной жизни Прикамья: картины умирающего «Строгановского царства» написаны автором с большим эмоциональным нажимом. Однако ревниво-скептическое отношение преданного Екатеринбург Д. Н. Мамина-Сибиряка не помешало ему нарисовать удивительные по своей экспрессивности картины прикамской природы¹⁹ и создать один из самых выразительных очерков исторического прошлого Урала, положивший начало литературному мифу о Перми Великой.

Горнозаводская часть прикамского ландшафта получила своего внимательного наблюдателя в путевых очерках В. И. Немировича-Данченко. В представленных им описаниях северной части Пермской губернии, ее заводов и рудников начинает складываться неповторимая манера изображения заводского производства, соединявшая глубокое погружение в технологию и экономику горного дела с мифопоэтическим обобщением, которое, по емкому наблюдению В. В. Абашева, восходит к восприятию металлургического производства как «священнодействия, родственного космогоническим процессам».²⁰

Не стал массовым, но сыграл важнейшую роль в формировании образа Урала маршрут, связанный со сплавом по реке Чусовой. Сплав по рекам был одним из самых древних способов сообщения на Урале. Реки, сбегаящие с обоих склонов Уральского хребта, играли роль естественных дорог. По ним прокладывались первые торговые пути на Урал. Наконец, работа уральских горных заводов держалась на воде: сплав железных караванов был ключом

¹⁹ В качестве примера приведем описание тревожной чердынской ночи, в котором, очевидно, отозвалось общее эмоциональное состояние Д. Н. Мамина-Сибиряка, погруженного воображением в бурные события древней истории Урала: «Если июньские Петербургские ночи получили название белых, то здешние смело можно назвать красными; на нервы эта заря действует томительно-жутко, и глаз просто болит напряженно-красными и оранжевыми тонами, в которых слишком много крови и вообще чего-то зловещего, как в зареве невидимого пожара» (Сибиряк Д. Указ. соч. С. 101).

²⁰ Абашев В. В. «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках В. И. Немировича-Данченко // Вестн. Перм. ун-та. Русская и зарубежная литература. 2015. Вып. 4 (32). С. 74.

чевым событием экономической жизни горно-заводского Урала.

Сплав железных караванов описывали ученые-путешественники конца XVIII в. академики И. И. Лепехин и П.-С. Паллас.²¹ В XIX в. одно из самых динамичных описаний сплава было сделано В. И. Немировичем-Данченко.²² Однако наиболее полно значение данного вида путешествия/перемещения по Уралу раскрылось в путевых очерках Д. Н. Мамина-Сибиряка, где сплав стал самостоятельным предметом описания («В камнях», «Бойцы»).²³ Главной уральской рекой он сделал Чусовую. Под пером начинающего писателя она превратилась в станковую ось Уральского региона — хранилищу его исторической памяти начиная с древнего пермского моря и заканчивая железными караванами.

Сплав по Чусовой, описанный Д. Н. Маминым-Сибиряком, вошел в историю Урала как составная часть внутренней идентификации, так как автор предложил отличную от приезжих литераторов оптику описания уральского ландшафта. Уральские горы и Чусовая в описаниях становятся географическим и онтологическим центром мировосприятия. В начале XX в. сплавной маршрут превращается в туристическое предложение.²⁴ Путешествие по Чусовой осознается как наиболее аутентичный способ знакомства с уральским пространством, что подтверждает особое значение сплавных травелогов в процессе литературного освоения Урала.

Несложно заметить, что сформировавшиеся вокруг представленных маршрутов значения, сюжеты и образы — это и есть основа уральской матрицы, которая продолжает управлять работой локальной памяти до сих пор. Кажется, что исторические романы Алексея Иванова — это беллетристическая реализация чердынских и чусовских сюжетов уральских путешествий XIX в., а произведение «Город на Стиксе» Натальи Земсковой прочно связано с каторжно-транзитной семантикой «сибирского» маршрута уральского травелога XIX в., экс-

пликация которого ярко проявлены в образах Перми как «мрачного и угрюмого» «просцениума Сибири»²⁵ и «мертвенной пустоты».²⁶

В силу своей документальной природы путевая очеркистика создавала особый публицистический образ уральского пространства, который не претендовал на художественное обобщение. По отношению к подобного рода художественно-документальным текстам принято говорить о накоплении субстратных элементов (исторического, природного, мифологического характера) локального текста (В. Н. Топоров). Однако важно подчеркнуть, что травелоги не были простым хранилищем разрозненных фактов. Они не только запечатлели и оформили складывающиеся значения уральского ландшафта. Благодаря своему связующему характеру путевые отчеты предложили набор нарративов, развернутых в масштабе целого региона. Вереобразное расположение маршрутов-нарративов уральского травелога XIX в. зафиксировало географическое и семантико-стилистическое единство уральского ландшафта. Урал получил подробное описание, что позволило ему стать не просто набором транзитных точек, а целостным и самодостаточным пространством.

В то же время нельзя не сказать о своего рода травеложном «проклятии» Урала, которое было связано с особым субъектно-объектным характером путевого повествования, построенного на сопоставлении «своего» и «чужого», привычного и странного. Урал воспринимался как экзотическое пространство: и по рельефу, и по особому укладу жизни он значительно отличался от внутренних российских губерний. Напряженная идентификация усиливалась привычкой негативного восприятия русской провинции, а также фронтальным положением региона, считавшегося границей между Европой и Азией, между цивилизованным центром и «диким полем». Резкие отрицательные характеристики, данные в путевых заметках А. И. Герцена, П. И. Мельникова-Печерского, П. И. Небольсина, А. П. Чехова, долгое время преобладали в уральской литературной традиции. Екатеринбургский Урал благодаря Д. Н. Мамину-Сибиряку раньше нашел отражение в аутентичной прозе, а Пермь надолго осталась под прицелом травелога, приняв на себя основной «перцептивный удар», который испытывали путешественники при встрече с необычным пространством Урала.

²¹ См.: Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: [пер. с нем.]: в 2 ч. (6 кн.). СПб., 1773–1788. Ч. 2: Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 г. Кн. 1. 1786; Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского Государства. Ч. 1–4. СПб., 1771–1805. Ч. 2. 1772; Ч. 3. 1780.

²² См.: Немирович-Данченко В. И. Указ. соч.

²³ Сибиряк Д. Бойцы: очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Отеч. зап. 1883. № 7–8. С. 5–70; Он же. В камнях: Из путешествия по реке Чусовой // Дело. 1882. Кн. 3. С. 237–275.

²⁴ См.: В. М. По Чусовой // Перм. губерн. ведомости. 1909. 22 апр. С. 1, 2.

²⁵ Герцен А. И. Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру // Собр. соч.: в 30 т. Т. 21: Письма 1832–1838 гг. М., 1961. С. 44.

²⁶ Мельников П. Дорожные записки... 1842. Т. 21. Отд. 8. С. 1.

Elena G. Vlasova

Candidate of Philological Sciences, Perm State University (Russia, Perm)

E-mail: elena_vlasova@list.ru**Aleksandr P. Vedernikov**

Senior Lecturer, Perm State University (Russia, Perm)

E-mail: alex.ved@mail.ru

**TRAVELOGUES IN THE HISTORY OF THE URALS' LITERARY DISCOVERY:
TO THE QUESTION OF THE GENRE ROLE IN THE LOCAL TEXT STRUCTURE**

The article discusses the role of certain genres in the history of the formation of a local text. This role is formed historically — depending on the circumstances of the literary development of space and on its geographical and cultural specifics as well. In the history of the Urals local text, an important role was played by travel writings of the 19th — early 20th centuries, the period of active cultural development of the Urals. Due to geopolitical circumstances, travelogues has become the first experience of the literary description of the Urals, and it makes it possible to raise an issue of possible influence of the genre features of this text type on the formation of the Urals space image. By means of special binding nature of the narration, formed around the description of movement, the travelogues reflect the space as dynamic narratives, which are based on the travel route. As a result of overlaying travel texts related to the localization of the main transport arteries, a stable map of routes-narratives, which include repeated values, images and plots, is formed. The fanlike arrangement of these routes visually shows a fairly representative coverage of the region in the travelogues of this period: the Urals appears not as a set of transit points, but as an integral and self-sufficient space. On the other hand, the figurative-semantic characteristic of the manifested routes helps to detect their close connection with the matrix of meanings relevant for the contemporary Ural landscape. These things allow the authors to talk about important shaping functions of the travelogue in the process of formation of the Ural local text, about its ability to act as a “text of self-description”.

Keywords: *local text, travelogue, travel route, map of Ural travels of the 19th — early 20th centuries*

REFERENCES

- Abashev V. V. [“Savage beauty and tenebrous grandeur...” A panorama of the Urals in Vasily I. Nemirovich-Danchenko’s travel writings]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and foreign philology], 2015, iss. 4 (32), pp. 67–78. (in Russ.).
- Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX — nachala XX vekov: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii: avtoref. doct. diss.* [Problems of the poetics of literature of Siberia in the 19th — early 20th centuries: Specifics of the formation and development of the regional literary tradition: Abst. Diss. Dr.]. Tomsk, 2005, 48 p. (in Russ.).
- Galimova E. Sh. [Northern text in the system of local (urban and regional) super-texts of Russian literature]. *Filologicheskiye traditsii v sovremennom literaturnom i lingvisticheskom obrazovanii* [Philological traditions in modern literary and linguistic education]. Moscow: MGI Publ., 2012, vol. 1, pp. 186–193. (in Russ.).
- Milyugina E. G., Stroganov M. V. *Russkaya kul'tura v zerkale puteshestviy* [Russian culture in the mirror of travels]. Tver: TvGU Publ., 2013, 176 p. (in Russ.).
- Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbrannyye trudy* [Petersburg text of Russian literature: selected works]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPb Publ., 2003, 616 p. (in Russ.).
- Venclova T. [On the comparison of the Vilnius and Tallinn text]. *Semiotika goroda: Materialy Tret'ikh Lotmanovskikh dney v Tallinnskom universitete* [City Semiotics: Materials of the 3rd Lotman Days in Tallinn University]. Tallinn: TLU Publ., 2014, pp. 29–55. (in Russ.).